

Олег Гальченко

МУДРЫЕ ЗВЁЗДЫ

Олег Гальченко

МУДРЫЕ ЗВЕЗДЫ

<https://litres.ru/74432793>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книгу петрозаводского поэта и публициста Олега Гальченко вошли переводы стихотворений и поэм немецкого поэта-романтика XIX века Генриха Гейне. Это не столько попытка реконструкции стиля, характерного для поэзии двухсотлетней давности, сколько субъективное прочтение классики глазами нашего современника. В иногда наивных, а иногда передающих достаточно сложные эмоции лирических стихотворениях о любви мы вдруг угадываем ситуации, имевшие место в жизни молодых людей всех времён – в том числе и у нынешних, и легко узнаём в их героях самих себя или своих знакомых. А в стихах политических, несмотря на непохожесть нынешней российской жизни на происходившее когда-то в Германии или Франции, вдруг начинает звучать протест против социальной несправедливости, ханжества и лицемерия, свидетелями которых являемся мы с вами. Наверняка многим покажутся близкими и стихи, пропитанные пронзительной ностальгией по родине.

Олег Гальченко
МУДРЫЕ ЗВЕЗДЫ

МУДРЫЕ ЗВЕЗДЫ
ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

в переводах Олега Гальченко

Петрозаводск-2026

От переводчика

*Мой Гейне – может быть, не гений,
а блик случайный впечатлений,
предначертаний смутных знаки
чернильная густая накипь.*

*Но в век недужный и морозный
он постучался гостем поздним –
мятежник, лирик, пересмеешник,
из чьей, не знаю, жизни прежней....*

I

КОЛЫБЕЛЬ МОИХ ТЕРЗАНИЙ ПРОЛОГ

Из "Путешествия по Гарцу"

Юбки черные, чулочки,
белоснежные манжеты,
поцелуи и объятия,
вы ли сердцем не воспеты!

Сердцем, что в груди теснится...
В сердце – жар пустой досады...
Мне наскучили смертельно
эти лживые рулады.

Променял я вас на горы,
где над саклей солнце светит,
где дышу я полной грудью,
где один хозяин – ветер.

Променял я вас на горы,
где на склоне дремлют ели,
где журчат ручьи, и птицам
облака перину стелют.

Так счастливо оставаться
светским дамам с господами!
Променял я вас на горы,
свысока смеясь над вами.

Вдали на горизонте
в туманной пелене
волшебный древний город
нарисовался мне.

Сырой и стылый ветер
взвихряет пену волн
и в заунывном ритме
гребец ведет мой челн.

Вдруг солнце прорубило
в холодных тучах дверь
и луч упал на берег
моих былых потерь.

А помнишь – детьми мы были?...
В ту пору нравилось нам
в курятник залезть украдкой,
в солому зарыться там.

Кричали мы петухами –
и думал прохожий люд,
что в час неурочный снова
у нас петухи поют.

Из ящичков, досок, палок
мы строили теплый дом,
наклеим внутри обои –
и селимся дружно в нем.

Когда соседская кошка
визит наносила свой,
ее встречали поклоном
и искренней похвалой.

Потом про здоровье гостью
расспрашивали всерьез,
жалея всех старых кошек
до горьких горячих слез.

Мы как старички сидели
на лавке в углу двора
и сетовали, что нынче
мир хуже, чем был вчера,

что Верность, Любовь и Разум
покинули белый свет,
а кофе все дорожает,
и денег все чаще нет...

Забылись детские игры,
а следом растаял след
всех наших былых пристрастий,
и дружбы на много лет.

Вновь май наступил долгожданный,
цветами наполнился лес,
и облачные караваны
плывут по лазури небес.

Разносится хор соловьиный
в высокой зеленой листве,
и скачут ягнята невинно
наперегонки по траве.

Лишь я не скачу, не играю.
Я – к травам припавший больной,
я дальнему зову внимаю,
и грезы кружат надо мной.

Душу мне до глубины
звоны пропитали.
Звонче, песенка весны,
устремляйся в дали.

На лужайку прилетай,
где цветы беспечны,
милой розе передай
мой поклон сердечный.

Взойдя на высокую гору,
я странной мечтой награжден
и тысячный раз повторяю:
"Зачем я не птицей рожден?"

Не ласточка я – а иначе,
мечтою о встрече томим,
уютное гнездышко свил бы
над теплым окошком твоим.

Я – не соловей, а иначе
мечтою о встрече томим,
зашелся бы от серенады
над призрачным садом ночным.

Увы, не снегирь я – иначе
живую частицей огня
впорхнул бы в любимое сердце.
Ведь ты не прогонишь меня?"

Горы и замки склоняются долу,

к зеркалу рейнской волны,
и паруса моей лодки веселой
солнцем и ветром полны.

Я молчаливо слежу за игрою
золота светлой воды.

Чувства кружатся разбуженным роем,
бурны, свободны, горды.

Нежность, прозрачность маняще-родная,
слиты навеки с рекой.

Но в этой ласковой бездне – я знаю! –
кроется мертвый покой.

Радостный – с виду, по сути – коварный
Рейн, ты – любимой портрет, -
кроткой, покладистой и благодарной,
колко смеющейся вслед.

На севере заиндевелом,
где мертвенно воеет метель,
на сопке под саваном белым
грустит одинокая ель.

И грезит она, как печально
в далекой восточной земле
стоит одинокая пальма
на выжженной солнцем скале.

Пленительная дева
является ко мне
из древнего напева
о сказочной стране,

где небеса струятся
на золоченый луг,
где все цветы глядятся
в глаза своих подруг,

где рощи-менестрели
пьянеют от рулад,
и в родниковой трели
купается закат.

Но различить ни звука
не можешь ты одна,
пронзительною мукой
любви оглушена.

Увы, не в нашей власти
ту сказку воплотить,
где можно сердцем счастье
и волю ощутить!

Как больно знать, что это —
лишь мой нелепый сон,
что в пламени рассвета
как пена тает он.

В твоих лазоревых глазках
нашел я любовный пыл
и в мысли уплыл такие,
что все слова позабыл.

Твоих лазоревых глазок
свет милый всегда со мной,
и волны морской лазури
бурливой стоят стеной.

Ты словно цветок весенний

прелестна, чиста, нежна.
Гляжу на тебя – и в сердце
печально дрожит струна.

И шепчут, когда мы рядом,
молитву мои уста,
чтоб ты оставалась вечно
прелестна, нежна, чиста.
ИЗ ЦИКЛА "СЕРАФИНА"

2

На морской пустынный берег
ночь задумчивая вышла.
Месяц выглянул из тучи.
Волны шепчут еле слышно:

"Кто он – этот полуночник,
идиот или влюбленный?
Взгляд – прозрачный и туманный,
лик печально-просветленный..."

Месяц мило улыбнулся
всем свидетелям досужим:
"Он безумец и влюбленный,
и поэт еще к тому же!"

4

Что я любим тобою,
я отгадал давно,
но глубоко встревожен
признанием все равно.

Я отправлялся в горы
и на вершине пел,
я плакал возле моря,
когда закат горел.

А сердце – словно солнце.
Оно в любовь уйдет,
пылая, в темный омут
холодных пенных вод.

5

Нескромные взгляды чайка
бесстрашная дарит нам,
а я прижимаю ухо
к горячим твоим губам.

О, как бы ей знать хотелось
все тайны о грешных нас:
слова или поцелуи
впорхнули ко мне сейчас?

Но сам я понять сумел бы
то чудо едва-едва,
так густо на поцелуях
замешаны все слова.

6

На серых скалах вечный храм
мы выстроим с тобой,
где чтиться будет наш Завет.
...Мир забывает боль.

О странно-двойственной душе
не помнит человек,
и муки плотские его
покинули навек.

В пучине бурных волн морских
ты слышишь Божий глас?
Святой тысячезвездный свет
над головой у нас.

Наш светлый Бог во свете дня
и в тени воплощен,
он есть во всем, везде — и здесь,
и в поцелуях он.

10

Та девушка у моря
вздыхала, тупя взор.
Закат, прибою вторя,
ласкал земной простор.

Зачем вздыхать? В природе
известно наперед:
что здесь внизу заходит,
то там вдали взойдет.

11

Под черным парусом корабль
взлетает на волне.
Ты знаешь, как печален я,
и боль даруешь мне.

Жестоким сердцем неверна
как ветер по весне...
Под черным парусом корабль
взлетает на волне.

14

У моря – утес, на нем руны пестрят.
Я в грезах опять утопаю.

Внизу ветер свищет и чайки кричат,
суровые волны вскипают.

Я многих любил – тяжело бремя утрат.
"Где ныне вы?" – сердце взывает.
Лишь ветер безумствует, чайки кричат,
да волны сурово вскипают.

15

Закат лучист и золотист.
Ах, братцы, как бы мне
хотелось после смерти лечь
в соленой глубине!

Я море искренне любил
и свежестью волны
жар сердца часто остужал,
и были мы дружны.

Как луна, из тучи выйдя,
обжигает мрак ночной,
так мои воспоминанья
вспыхнули предо мной.

Мы на палубе сидели,
бот баюкала река
и в багрянце предзакатном
пламенели берега.

Я у ног прекрасной дамы
затаился и мечтал,
на ее ланитах милых
алый ветер трепетал.

Песни радостно звенели,
звуки ласково лились,
и синело поднебесье,
и манило души ввысь...

Горы, замки, рощи, доли
проплывали мимо нас,
их сияние ловил я
в глубине любимых глаз.

На море пристально глядя,
мы тот провожали день
у хижины ветхой рыбацкой.
Сгущалась тумана тень.

Едва лишь огонь дрожащий
затеплился в маяке,
как стройные мачты судна
прорезались вдалеке.

Мы речь завели о бурях,
о том, что матрос любой
живет меж водой и небом,
меж радостью и борьбой.

Мы спорили и судили
о жизни широт чужих
о дикарях непокорных
и нравах суровых их.

Над Гангом под шепот чащи
и яростный гомон птиц
в смиренном поклоне люди
пред лотосом пали ниц,

В Лапландии плоскоголовый
и грязный живет народ —
сидит у костра, ест рыбу,
и квакает, и орет.

Все девушки мне внимали.
Задумчиво смолкли мы.
Растаял корабль, оставив
наш берег в объятьях тьмы.

Не знаю я, что это значит,
но боль обступила стеной
и сердце наивное плачет
над старою сказкой одной.

Над Рейном – ночная прохлада,
бездонная лень и печаль,
последней зарницей заката
искрится гористая даль.

Здесь девушка тихо смеется,
присев на прибрежный утес.
Под гребнем змеится и вьется
горячее золото волос.

Красавица песню заводит
над плеском прозрачной волны,
в звенящих разливах мелодий
то сила, то ласка слышны.

И лодочник завороченный
гребет лихорадочно к ней,
и взгляд, в вышину устремленный,
не видит подводных камней.

Я знаю, что, жертву сминая,
сомкнется вода над кормой.
Виною всему – озорная
игра Лорелеи самой.

В последнем луче заката
светился морской прибой.
Сидели мы молча рядом.
Мы были одни с тобой.

Туман покрывал утесы.
Крик чаек то рос, то гас.
Горячие плыли слёзы
из нежных девичьих глаз.

Чтоб тут же застыть на зыби
ладоней твоих, мой друг.
Я жадно припал и выпил

все слезы с любимых рук.

Но это был миг расплаты.
Я горечь в себе унес,
впервые отведав яда
пронзительных женских слез.

Любимая, помнишь! – сидели
мы в лодке уютной одной,
и звезды в глаза нам глядели,
и наполнилась ночь тишиной.

Нам призрачный остров явился,
сминая подлунную близь.
Там странно туман шевелился
и чудные звуки лились,

там сладкие песни звучали
и вторило эхо вдали,
а мы, онемев от печали,
в открытое море гребли.

Изящный лотос боится
горячих дневных лучей,
он, не дыша, предвкушает
блаженную тишь ночей.

Луна – вот его подруга.
Мерцаньем глухим она
щекочет и вызволяет
из бездны дневного сна.

И лотос, горя цветеньем,
качается над волной,
и тянется ввысь, рыдая
от скорби своей земной.
ОСТАВЬ МЕНЯ!

Не может день не влюбиться в ночь,
в зиму весна влюблена,
жизнь без смерти не мыслит себя.
А ты, ты любишь меня!

Ты любишь меня, по лицу твоему
ползет нездоровая тень.
Вянешь и чахнешь, в терновом венце,
с кровоточащей душой.

Оставь меня лучше! Люби мотыльков
веселых, наивных, смешных.
Взгляни, как резвятся на солнце они!
Оставь мне страданье свое!

Любовно обвивши руками,
подруга, прими и пригрей
всецело меня – с потрохами,
с бесценною плотью моей.

Со страстью не в силах бороться,
прекрасной змеей оплетен,
в объятиях пусть задохнется
счастливейший Лаокоон.

На крыльях моих песнопений
умчимся, голубка, туда,
где кружится в танце видений
священного Ганга вода.

Там заросли райского сада
рубиновым блеском горят,

там лотосы лунной прохладе
в тоске о тебе говорят,

фиалки в предутренних росах
ласкаются к звездам сквозь сон
и шепчут веселые розы
предания давних времен.

Там царственно бродят газели –
доверчивы, кротки, легки,
там залили даль акварели
великой и вольной реки.

Под пальмой, размякшей от зноя,
мы в травы нырнем на лету
и в жажде любви и покоя
всецело вольемся в мечту.

За чаем вечерним чинно
эстетствовал высший свет –
изысканные мужчины
и дамы различных лет.

"В любви, - говорил советник, -

платоника быть должна!"

А рядом, едва заметно,
смеялась его жена.

Священник учил: "Кто любит,
тот ум погрузил во мрак,
и страстью здоровье губит!"
Девица шепнула: "Как?"

Графиня вздохнула тяжело:
"Коварна любовь и зла!"
И вежливо чая чашку
барону передала.

Мой ангел, увы – беседа
вдали от тебя текла.
Как много бы ты поведать
им всем о любви могла!

Жил-был король на свете
жестокий и седой,
жил-был король несчастный
с женою молодой.

Паж золотоволосый
прилежно им служил,
за юной королевой
шлейф шелковый носил.

Ты помнишь песню эту.
Слащав и стар мотив!
Должны погибнуть оба,
сверх меры полюбив.

ИЗ "ФРЕСКОВЫХ СОНЕТОВ ХРИСТИАНУ 3."

3

Как мне смешон кретинистый пошляк,
скосивший на меня мурло баранье,
смешна лиса, коварным обоняньем
ловящая мой каждый новый шаг.

Меня смешит ученый павиан,
рядящийся служителем Фемиды,
надменный трус, с кинжалом ядовитым
крадущийся, тупою злобой пьян.

Когда разбито сердце навсегда,
когда сама судьба крадет успех,
поруганное счастье в грязь швыряя,

и я унижен и растоптан – да,
мне остается только желчный смех.
И я смеюсь, и жалости не знаю!

ПЕРЕМЕНА

Все, довольно мне брюнеток!
В наступающем году
с белокуро-синеглазой
лучше время проведу.

Я теперь люблю блондинку.
Кротка, набожна, нежна,
ей охапку лилий в руки –
и уже свята она.

И стройна, и романтична.
Тела мало, дух силен
и в любви, надежде, вере
несомненно закален.

Утверждает, что немецкий –
ей язык чужой пока,
но Клопштока стих небесный
уж прочла наверняка.

Спеша по утрам, родная,
минуя твой дом, порой
как сладко в окне увидеть
загадочный профиль твой!

Читаю вопрос, застывший
на дне удивленных глаз:
"Случайный прохожий, кто ты?
Чем так угнетен сейчас?"

"Я – просто поэт немецкий,
известный своей стране.
Кто помнит о нас, великих,
тот дань воздает и мне.

И эти печали многим
известны в моем краю –
однажды свою познавший,
сумел бы понять мою!"

Письмо, что ты прислала,

меня не сбило с ног.
Твоя любовь увяла.
Но как пространен слог!

На дюжине страниц – ах,
трактатец – в самый раз!
Не стоит так трудиться,
чтоб сочинить отказ!

Настала пора наконец осознать
и высказать грубо и прямо:
я – комедиант, я посмел разыграть
с тобой эту глупую драму.

Сверкала обманчиво роскошь кулис
почти в романтическом стиле,
я в рыцарской мантии зван был на бис
и чувства красивыми были.

Но вот отряхнул я с себя этот бред –
и вновь от позора и боли
покоя ни сердцу, ни разуму нет,
и некуда выйти из роли.

О, господи, жалок, ничтожен и мал
носитель такого таланта!

Я с раной смертельной шутя представлял
поверженного дуэлянта!

Парень любит девчонку.
Девчонке же мил другой,
избравший совсем другую
любимой своей женой.

С первым случайным встречным
девчонка идет под венец.
Всю жизнь об этом недужит
влюбленный в нее юнец.

Стара история, знаю,
но вечно бесспорна суть:
тому, с кем случится это,
не сердце бы – камень в грудь!

Плутая в мечтах запредельных,
гляжу на любимый портрет,

и вдруг наполняется жизнью
соцветие черт и примет.

Загадочно дрогнули губы,
в улыбке лицо расплылось
и тускло глаза заблестели
в тумане непрошенных слез.

И слезы мои покатались
в ответ по щекам – и опять
я тщетно пытаюсь осмыслить,
что можно тебя потерять.

ВЕСТЬ

Вставай, слуга, седлай коня,
скачи во весь опор
через леса, через поля
на королевский двор

и тайно вывести изволь,
подслушай – нет греха! –
какой из дочерей король
готовит жениха?

Коль темнокудрой под венец,

тотчас ко мне явись,
коль златовласой — ты, гонец,
сюда не торопись.

В канатной лавке присмотри
веревку попрочней
и лишних слов не говори
когда вернешься с ней.

Они, как никто, любили,
признаний не произнося,
они приглушали чувства,
любовь сквозь вражду неся.

Расстались они, оставив
себе только сны, увы.
Они не подозревали,
что оба давно мертвы.

Печально, печально сердцу,
хоть мир освящен весной.
Стою под цветущей липой
у старой стены крепостной.

Внизу голубою лентой
обводный канал пролег,
мальчишка-рыбак на лодке
забросил лесу в поток.

А берег другой украшен
густой пестротой чудес –
дома, и сады, и люди,
и бык на лугу, и лес!

Служанки белье полощут,
а с мельничного колеса
алмазы с холодным блеском
срываются в небеса.

А дальше – тюрьмы ворота,
невзрачные, как всегда,
и малый в мундире алом
шагает туда-сюда.

Ружьем он своим играет –
на солнце искрится ствол.
Прицелься, приятель, чтобы
мне в сердце свинец вошел!

У вас вечеринка нынче.
Твой дом излучает свет,
и в желтом окне мелькает
воздушный твой силуэт.

Не взглянешь и не узнаешь,
что рядом уже давно
стою я во тьме продрогший
и в сердце моем темно.

А сердце все кровоточит,
все рвется из темноты,
дрожит, и зовет, и стонет...
Но это не видишь ты.

Ночь. Переулок. На серых фасадах
дремлет холодная мгла.
Все здесь как прежде – и дом, где когда-то
милая сердцу жила.

Рядом стоит человек, в исступленьи
руки свои теребя.

Я при луне в этой призрачной тени
вдруг различаю себя.

Бледный двойник! Ты дразнить меня взялся?
Так же, как ты, я точь-в-точь
болью любви безутешно терзался
в ту злополучную ночь.

Думал я, что будет вечно
мгла отчаянья со мной.
Пережил, смеюсь беспечно,
вот вопрос – какой ценой?

ИОЛАНТА И МАРИЯ

1

Понимают эти дамы,
как высокочтим поэт.
Я и гений мой сегодня
были званы на обед.

Ах, каким был суп душистым!
Как божественно вино!
Как был заяц напигован!

Как прекрасна птица! Но...

Лишь беседа об искусстве
за столом зашла – я есть
перестал, засуетился
и благодарил за честь.

2

В которую из них влюбиться?
Не в силах выбрать я, хотя
и мать – бабенка недурная,
и дочь – чудесное дитя.

У младшей девственная свежесть
взгляд согревает всякий раз.
Но смысла страсти пониманье!
Но гениальность блеска глаз!

И сердце выхода не знает,
как серый друг во цвете дней
своими серыми мозгами
решал, который стог сочнее.

3

Был завтрак прекрасен. Бутылка пуста,
и дамы корсаж распустили,

играют румянцем, полны озорства –
наверное, лишку хватили.

Как плечи белы! Им и груди под стать!
Мне сердце тревогой кольнули,
а после со смехом упали в кровать
и под одеяло нырнули.

Все окна завесили тканью гардин –
и храп тишину уничтожил.
А я все стою и смотрю, как кретин,
на их неприступное ложе.

4

Юность робкая мелеет,
зрелость мужеством сквозит,
и рука куда смелее
вдоль бедра уже скользит.

Был я многими отвергнут,
чтоб иметь успех потом –
лесть брала обычно верх над
милым гневом и стыдом.

Но, победами изнежен,
вкуса счастья не обрел

я – а был ли юный, прежний
легкомысленный осел?

Буднично сереет небо!
Город сумраком оделся
и скучающе-нелепый
в воды Эльбы загляделся.

Длинноносым нынче скверно
и тоскливо, и сопливо.
Все вокруг высокомерны,
все напыщенностью живо.

Юг прекрасный! Я тоскую
по твоей небесной власти,
видя мелочность людскую
и природное ненастье.

Колыбель моих терзаний,
усыпальница даров,
город сладких упований,
расстаемся – будь здоров!

Да, прости-прощай, священный
милой памяти порог,
да, прощай и ты, бесценный
встреч заветный уголок.

Мне бы не встречаться вовсе,
не познать свою печаль,
чтобы жалким нищим после
не идти куда-то вдаль.

Мое сердце нет, не смеет
о твоей любви молить.
Чем твое дыхание веет,
тем оно мечтает жить.

Но дорогу мне пророчит
слово злых, любимых уст.
Рана сердца кровоточит,
смятены остатки чувств.

И раздавленный, бессильный
к неизвестности бреду.
Только холодом могильным
излечу свою беду!

ПАЛОМНИЧЕСТВО В КЕВЛАР

1

Сын полудремал в постели,
а мать у окна ждала.

"Вильгельм, скорей поднимайся –
процессия подошла!"

"Нет, мать, нездоров я нынче,
печалью по горло сыт.

Я думал о мертвой Гретхен,
и сердце мое болит!"

"Вот четки твои, вот книга..."

Вставай и перечить брось,
а в Кевларе Матерь Божья
излечит тебя авось..."

Хоругви тревожит ветер,
псалмы дружный хор поет.
Вдоль Рейна толпой из Кельна
молиться идет народ.

А следом – и мама с сыном,
не чующим ватных ног,
подтягивая нестройно:

"Мария, с тобою – Бог!"

2

У Матери Божьей нынче
и праздник, и день забот –
толпа больных и убогих
опять на поклон идет.

С дарами приходят люди,
в которых засел недуг,
у них – восковые слепки
истерзанных ног и рук.

Отдашь восковую руку –
и рана вмиг зарастет,
отдашь восковую ногу –
сама хромота сойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.